

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Актеры российской модернизации в восприятии населения и в реальности

Тихонова Наталья Евгеньевна –
Доктор социологических наук,
зам. директора ИС РАН

E-mail: netichon@mtu-net.ru

Акторы российской модернизации в восприятии населения и в реальности¹

Аннотация

В статье описаны социальные группы, обладающие наибольшим модернизационным потенциалом, а также проанализированы основные особенности этих групп. Нашла отражение в статье и проблема видения населением групп, чьи интересы объективно входят в противоречие с задачей модернизации российского общества. Лучше понять модернизационный потенциал российского общества с точки зрения наличия в нем возможных акторов модернизации помогают построенный автором «Атлас социальных симпатий и антипатий» и ментальная карта мира, на которой представлено место носителей различных типов мировоззрения из числа россиян по отношению к населению ряда стран, демонстрирующее вектор развития процессов социокультурной модернизации в России.

Abstract

The paper describes social groups with greatest modernization potential and analyzes their major characteristics. The author dwells on how Russians perceive groups whose interests run counter to the objective of modernizing the society. A Map of Social Preferences and Fobias is developed by the author as well as the value map of the world portraying Russian values in comparison with other countries. The analysis provides the basis for the comprehension of sociocultural trends in contemporary Russia.

Ключевые слова: модернизация, ценности, культурная динамика, ментальность, методика Г. Хофстеда

Keywords: modernization, values, cultural dynamics, mentality, Geert Hofstede's techniques

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемой при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-32-03001).

Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является вопрос о наличии и локализации в российском обществе социальных групп, способных выступить акторами модернизации, анализ специфики взглядов и поведения «промодернистски» настроенной части россиян. Сразу надо подчеркнуть, что в этой области существует довольно много мифов – от утверждений, что модернизация в России невозможна, т. к. субъекты модернизации в ней вообще отсутствуют, до утверждений, что таковыми уже сегодня могут успешно выступать, например, средний класс или служащие системы госуправления, – если в качестве ключевого актора модернизации рассматривается государство.

Что касается среднего класса, то об ограничениях, препятствующих ему успешно выступить в роли ключевого и массового актора модернизации, уже шла речь в ряде статей этого номера (см. статьи С. Мареевой, Е. Авраамовой и М. Токсанбаевой, и др.). Нельзя, конечно, не согласиться с этими авторами в том, что средний класс – это, пожалуй, единственная из социальных групп, способная в будущем выступить в роли реального субъекта модернизации. И особенности его профессиональных позиций¹, и специфика трудовых мотиваций представителей среднего класса способствуют поддержке ими идеи модернизационного прорыва². Ведь главную роль для них играет возможность самореализоваться, а рост числа рабочих мест, обеспечивающих такую возможность и предъявляющих платежеспособный спрос на работников высокой квалификации, предоставляет, прежде всего, модернизация индустриального сектора экономики и развитие третичного и четвертичного её секторов.

Однако в целом со средним классом как потенциальным актором модернизации ситуация складывается сегодня в России достаточно противоречиво. Прежде всего, сам средний класс находится ещё только в стадии формирования. Кроме того, протекание процессов социокультурной модернизации происходит в среднем классе очень неравномерно и разные его группы подвержены ей в разной степени. Наконец, хотя он действительно в наибольшей степени готов поддержать технико-экономическую модернизацию, он вряд ли сможет стать в ближайшем будущем субъектом политической модернизации и наверняка не будет субъектом политической мо-

¹ Профессиональный портрет среднего класса достаточно пёстрый, однако его особенности определяет в первую очередь очень большая (около половины) доля сотрудников государственного сектора экономики в нём, прежде всего – работников бюджетных отраслей, а также то, что с вероятностью более 50% в него попадают лишь руководители, специалисты и служащие. Доля «старого среднего класса» – предпринимателей – в нём при этом очень мала.

² См. раздел «Модернизационный потенциал российского среднего класса» в [1].

дернизации по «западному образцу». Более того, в силу своей структурной неоднородности средний класс вообще не готов выступать самостоятельной силой в рамках существующей институциональной матрицы как единый социальный субъект, и процессы защиты своих интересов в нём происходят обычно на индивидуальном, а не на групповом уровне, и в основном без использования формальных институтов. Изменение сложившейся ситуации потребует времени и будет в значительной степени зависеть от успешности и путей модернизации, прямо влияющих на соотношение в среднем классе профессионалов, рядовых «белых воротничков», предпринимателей и других его подгрупп, в том числе – и госслужащих.

Что касается последних как самостоятельного актора модернизации, то россияне, несомненно, отводят государству роль главного инициатора и актора любых изменений в стране. Не случайно две трети населения страны¹ уверены, что любые перемены в российском обществе надо проводить «сверху», и лишь треть считает, что их надо осуществлять «снизу», опираясь на инициативных людей и здоровые силы внутри самого общества. Однако при этом способность государства успешно выполнить эту отводимую ему с учётом особенностей национальной культуры и сложившейся в стране «институциональной матрицы» роль вызывает у россиян глубокое сомнение. И главное, что мешает, по их мнению, успешной реализации им этой роли – это коррупция, получившая распространение среди государственных служащих и ведущая к неэффективности работы всей «государственной машины». А ведь именно от позиции государственных служащих, их понимания собственного группового интереса зависит, способны ли они стать акторами модернизации и по какому пути пойдёт (если пойдёт) реализация модернизационного проекта в стране.

В этой связи интересно проанализировать представления россиян о том, способны ли выступить госслужащие и средний класс в целом субъектами модернизации, и кого вообще, если говорить об отдельных социальных группах, видит население страны в качестве ключевых акторов прогрессивного развития России (см. рис. 1).

К сожалению, как видим, *хотя это и слабо сочетается с задачами модернизационного прорыва, бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения, – это рабочие и крестьяне*. При этом роль рабочих позитивно оценивается практически всеми возрастными, социально-профессиональными, доходными и т. д. группами, так что их восприятие как акторов прогресса уже не может рассматриваться как отголосок советской

¹ Данные общероссийского опроса Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.). Далее, если не оговорено иное, используются данные именно этого исследования.

В силу своей структурной неоднородности средний класс не готов выступать самостоятельной силой в рамках существующей институциональной матрицы как единый социальный субъект, и процессы защиты своих интересов в нём происходят обычно на индивидуальном, а не на групповом уровне и без использования формальных институтов.

Бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения, – это рабочие и крестьяне. Заметно отстают от них, но, тем не менее, выступают в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодёжь, предприниматели и средний класс.

эпохи, выступая скорее отражением характерного для индустриального этапа развития любой страны повышенного внимания именно к роли рабочего класса. Меньше единодушия в оценке крестьян как акторов развития России, хотя общая оценка их роли в этом процессе во всех группах всё же положительная. Заметно отстают от рабочих и крестьян, но, тем не менее, *выступают в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодёжь, предприниматели и средний класс*. Проблематична роль военных, а также руководителей предприятий и фирм – лишь около половины населения страны полагает, что эти группы способствуют развитию России. Ещё хуже ситуация с сотрудниками правоохранительных органов – доля рассматривающих их как способствующих развитию страны составляет лишь около трети населения и практически равна доле считающих, что они препятствуют этому. И, наконец, бесспорным тормозом развития России выступают в глазах её граждан государственные чиновники, которые в условиях отводимой россиянами государству ведущей роли в процессах модернизации должны были бы выступить главными акторами последней.

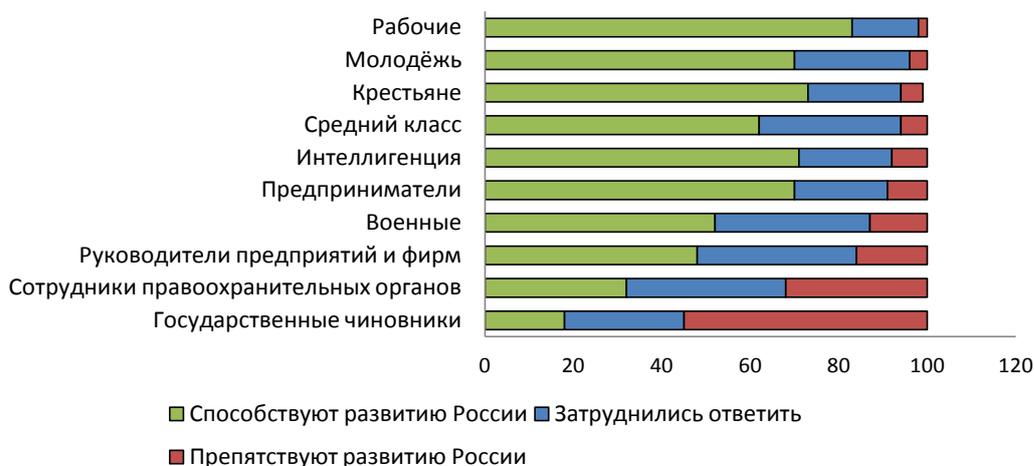

Рис. 1. Доля населения, оценивающего различные социальные группы как способствующие или препятствующие развитию России, %

Таким образом, в сознании населения существуют чёткие представления о ключевых субъектах прогрессивного развития страны. В то же время чёткость этих представлений не означает их неизменности – сдвиги, произошедшие в них в течение последних лет, весьма значительны (см. рис. 2). Общая тенденция при этом такова, что восприятие рабочих, крестьянства и интеллигенции как акторов прогресса за последние 12 лет характеризуется нисходящей динамикой, в то время как роль в развитии России таких групп, как молодёжь и предприниматели, в восприятии населения увеличилась.

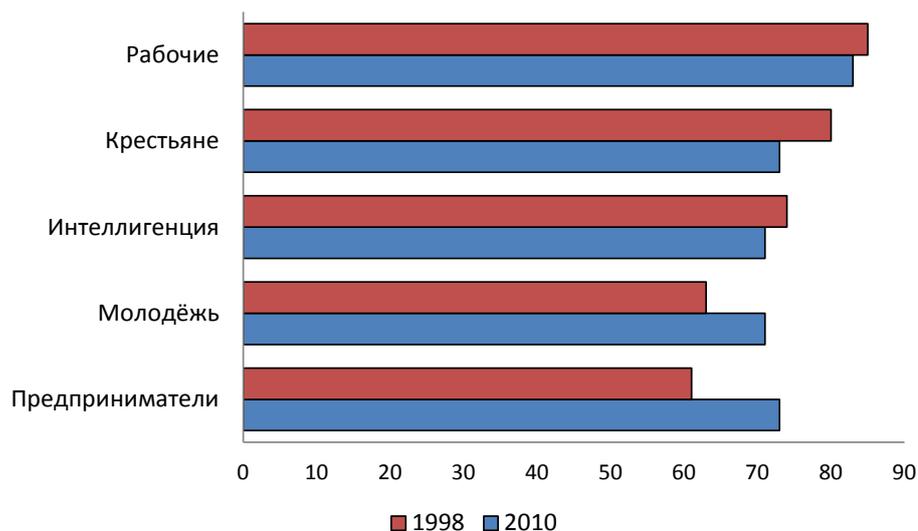

Рис. 2. Динамика доли населения, оценивающего как способствующие развитию России группы-лидеры в этом вопросе, 1998-2010 гг., %

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как вообще выглядит картина социальных симпатий различных групп населения, где находятся «точки соприкосновения» высоких взаимооценок их роли, позволяющие составить своего рода «Атлас социальных симпатий и антипатий» (см. таблицу 1). Как видно из этого «Атласа», в современной России есть две пары социальных групп, одинаково высоко оценивающих роль друг друга, хотя представители других групп могут воспринимать эту роль по-разному. Первая пара – это рабочие и крестьяне, а вторая – предприниматели и руководители. Именно эти пары можно рассматривать как демонстрирующие чётко выраженную социальную близость. В то же время, по некоторым другим парам (например, руководители/рабочие) прослеживается скорее социальное напряжение.

Таблица 1

Атлас социальных симпатий и антипатий¹

Оцениваемые группы	Оценивающие группы					
	Рабочие	Служащие	Специалисты	Руководители	Предприниматели	Работники торговли
Рабочие	++	++	++	++	++	++
Крестьяне	++	+	0	++	++	+
Интеллигенция	0	++	++	++	+	+

¹ Обозначения: «-» конфликтные противоречия (согласие с тем, что соответствующая социальная группа способствует развитию России, выражает менее 50% россиян), «0» – толерантность (согласие выражает от 50% до двух третей), «+» социальная близость (от двух третей до трёх четвертей), «++» солидарность (более трёх четвертей). Светло-серым выделена зона наибольшего признания позитивной роли соответствующих социальных групп в развитии страны, штриховкой выделены совпадающие зоны такого признания. Темно-серым – зона, где доля негативно оценивающих роль соответствующей группы превышает долю оценивающих её позитивно.

Продолжение таблицы 1

Оцениваемые группы	Оценивающие группы					
	Рабочие	Служащие	Специалисты	Руководители	Предприниматели	Работники торговли
Молодёжь	+	+	+	++	+	++
Военные	+	0	0	0	-	0
Средний класс	0	+	+	0	0	0
Предприниматели	+	+	++	++	++	++
Руководители	-	0	0	0	++	0
Сотрудники правоохранительных органов	-	-	-	-	-	-
Государственные чиновники	-	-	-	-	-	-

Обозначения: «-» конфликтные противоречия (согласие с тем, что соответствующая социальная группа способствует развитию России, выражает менее 50% россиян), «0» – толерантность (согласие выражает от 50% до двух третей), «+» социальная близость (от двух третей до трёх четвертей), «++» солидарность (более трёх четвертей). Жёлтым выделена зона наибольшего признания позитивной роли соответствующих социальных групп в развитии страны, розовым выделены совпадающие зоны такого признания. Зелёным – зона, где доля негативно оценивающих роль соответствующей группы превышает долю оценивающих её позитивно.

Отдельно стоит упомянуть также о постепенном вхождении ранее непривычного для нашей страны концепта среднего класса в сознание населения. Понимание его роли как актора прогрессивных изменений характеризует, прежде всего, те группы, которые во всех странах мира являются базой формирования так называемого «нового среднего класса» – специалистов (т. е. профессионалов и полупрофессионалов по принятой в странах с развитой рыночной экономикой классификации) и служащих (офисный персонал). В этих группах около 70% их представителей говорят о том, что средний класс способствует развитию России. Это значит, что формирующийся российский средний класс начинает осознавать себя как актора прогрессивного развития страны. То же можно сказать и о «старом среднем классе» – предпринимателях. Подавляющее большинство их считает, что деятельность предпринимателей способствует развитию России, и в этом с ними согласны в большинстве своём представители всех социальных групп. Такое отношение к предпринимателям свидетельствует не просто о том, что россияне абсолютно толерантны к рыночной экономике и её основным агентам, но и о том, что предприниматели сегодня существуют в общественном сознании как часть «трудового народа» и противостоят в этом качестве государственным чиновникам и примыкающим скорее к чиновникам, нежели к остальному населению, работникам правоохранительных структур. В то же время предприниматели в России, видимо, ощущают себя скорее отдельной группой, чем частью среднего класса – во всяком случае, роль среднего

Подавляющее большинство считает, что деятельность предпринимателей способствует развитию России, что свидетельствует не просто о том, что россияне абсолютно толерантны к рыночной экономике и её основным агентам, но и о том, что предприниматели сегодня существуют в общественном сознании как часть «трудового народа» и противостоят в этом качестве государственным чиновникам и примыкающим скорее к чиновникам, нежели к остальному населению, работникам правоохранительных структур.

класса в развитии страны они оценивают заметно ниже, чем роль собственно предпринимателей. В этой связи стоит отметить также нейтральное (ни позитивное, ни негативное) восприятие среднего класса всеми группами, кроме специалистов и госслужащих. Это отражает особое место среднего класса в российском обществе, который, с одной стороны, противостоит рабочему классу и крестьянству, а с другой – руководителям и предпринимателям.

При этом полный консенсус в обществе в отношении их роли в прогрессивном развитии России существует сегодня всего по двум социальным группам – это однозначно высоко оцениваемые рабочие, с одной стороны, и также однозначно негативно оцениваемые госчиновники, с другой. Симптоматично, что о роли последних в обществе негативно отзываются даже они сами. Как говорится – «изнутри виднее».

Однако являются ли группы, выступающие ключевыми акторами развития страны в общественном сознании, реально таковыми? Или в этом качестве можно рассматривать в первую очередь представителей определённых мировоззренческих групп, как бы «растворённых» в населении страны в целом? В этой связи нужно, прежде всего, отметить, что в рамках модернизационной парадигмы существуют разные методики выделения групп, характеризующихся спецификой своих ценностных ориентаций. Практически все они разработаны в рамках западной психологической и социологической традиций и предполагают, что движение культуры нации от состояния домодерна к модерну совпадает с принятием норм, ценностей и т. д. западной культуры. Однако постулат о применимости к России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому «западному» модерну, сам по себе не очевиден. Скорее наоборот – в неомодернизационной концепции движение к модерну отнюдь не означает копирования «западных образцов», особенно в такой тесно связанной с национальной самобытностью области, как культура.

Вот почему фундаментом анализа наличия и особенностей потенциальных акторов модернизации в составе населения России должно быть, прежде всего, выделение объективно существующих в России типов нормативно-ценностных систем, а не просто анализ тех или иных элементов взглядов и ценностей людей. Ведь в рамках другой, нежели характерные для западной цивилизации, системы отношений и культурной традиции те же самые по формулировке взгляды могут скрывать отличающиеся смыслы и быть индикатором совсем иных ценностей. В ходе специально проведённого нами с этой целью анализа нормативно-ценностных

Постулат о применимости к России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому «западному» модерну, сам по себе не очевиден. Скорее, наоборот – в неомодернизационной концепции движение к модерну отнюдь не означает копирования «западных образцов», особенно в такой тесно связанной с национальной самобытностью области, как культура.

систем россиян¹ оказалось, что они действительно во многом не совпадают с теми, которые характеризовали переход к обществу модерна в странах западной культуры. Так, иной смысл, нежели это характерно для западной традиции, имеет в России понятие свободы. Отношение к модернизации, как выяснилось, диктуется в России не столько идеологическими предпочтениями, сколько неким общим внутренним динамизмом и связано в первую очередь с готовностью жить в непрерывно меняющемся мире, нонконформизмом и т. п. Отсутствие толерантности ко всем «чужим» – от приезжих до Евросоюза – определяется в первую очередь неуверенностью в собственных силах самостоятельно решить свои проблемы и самому обеспечить свою семью и т. д.

Если, учитывая особенности смыслов, стоящих за теми или иными нормами и ценностями, проанализировать системы взглядов россиян, состоящих из внутренне целостных «блоков», «кирпичиков» и включающих сразу несколько внутренне связанных друг с другом норм и ценностей, а затем, уже на этой основе, провести анализ локализации соответствующих взглядов, то, как показывают результаты наших исследований, существует, по меньшей мере, 7 крупных групп (кластеров), качественно различающихся между собой по своему мировоззрению и отражающих особенности транзита общественного сознания в современной России от норм и ценностей традиционалистского типа к тем, что характерны для “Modern Man”. Численно распространённость представителей этих мировоззренческих групп в российском обществе варьирует в диапазоне 11–20%² (см. рис. 3).

¹ Особый акцент при анализе этих систем был сделан в первую очередь на взглядах россиян на принципы взаимоотношений в системе «личность – общество – государство», а не нормах и ценностях, регулирующих межличностные отношений в семейной, дружеской, соседской и прочих сферах. Ведь именно этот аспект нормативно-ценностных систем россиян, как уже отмечалось нами в других публикациях, выступает главным отличием нормативной составляющей российской культуры. Кроме того, именно он позволяет глубже понять «коридор возможностей» при разработке программы модернизационных преобразований, который задаёт человеческий потенциал страны.

² Технически выделение этих групп осуществлялось следующим образом. Сначала из общего массива данных исследования «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.) были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений россиян о должном, желаемом или эмоционально для них значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Затем эти 65 переменных были запущены на кластеризацию для выделения относительно гомогенных по своему составу групп респондентов, что позволило «отбраковать» ряд переменных, не значимых для деления на кластеры. В результате для последующего анализа были отобраны 40 переменных. К 40 выделенным переменным был применён факторный анализ (метод Варимакс), позволивший выделить основные «блоки», из которых состоят нормативно-ценностные системы россиян в интересовавшем нас ракурсе. Результаты этого анализа объясняли 50,761% дисперсии и выделили 12 факторов («блоков»), которые, комбинируясь в разных вариациях, и формируют сегодня всё многообразие нормативно-ценностных систем россиян.

Сегодня в России нет чёткого доминирования каких-либо систем взглядов – скорее российское общество представляет собой в этом отношении некую мозаику.

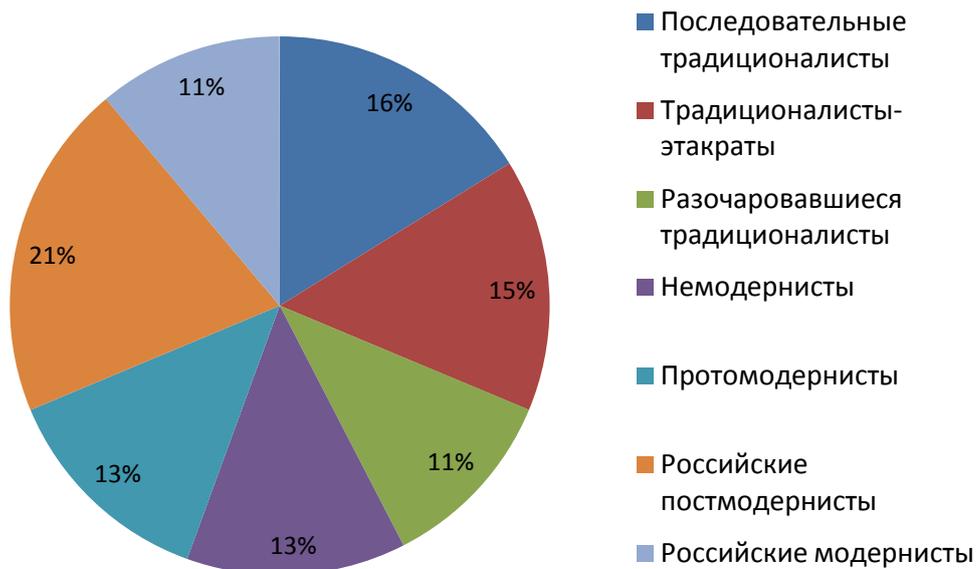

Рис. 3. Доли сторонников различных типов нормативно-ценностных систем в российском обществе, %

Первая, самая массовая (20% всех россиян), условно может быть названа «Российские постмодернисты». Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, – «Российские модернисты». Представители обеих групп способны выступать субъектами модернизации. Но особенности их взглядов свидетельствуют о том, что это будет отнюдь не «западная» модель модернизационных преобразований.

Это означает, что *сегодня в России нет чёткого доминирования каких-либо систем взглядов – скорее российское общество представляет собой в этом отношении некую мозаику*¹. Если же учесть при этом как выделенных групп в целом, так и их ядра², то можно составить портреты 7 мировоззренческих кластеров, составляющих в совокупности некий прообраз мировоззренческого портрета современного российского общества, по крайней мере – в части рассматриваемых нами компонентов нормативно-ценностных систем россиян.

Начнём с характеристики групп, взгляды которых играют особую роль для оценки перспектив модернизации и выработки стратегии модернизационных преобразований – а именно с **групп, достаточно далеко продвинувшихся на пути формирования “Modern Man”**.

В современном российском обществе есть, по меньшей мере, две такие массовые группы. Первая, самая массовая (20% всех россиян), условно может быть названа «Российские постмодернисты». Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, – «Российские модернисты».

¹ Этот вывод коррелирует с результатами других исследований, в частности проведённых под руководством Н. И. Лапина, В. С. Магуна, Н. М. Лебедевой и т. д.

² Ядра кластеров как устойчивые на персональном уровне даже при изменении параметров кластеризации (число кластеров, изменение используемых для кластеризации набора переменных на 1–2 и т. п.) группы, были выделены в ходе анализа ситуации с каждым респондентом в отдельности. То, что это именно ядра соответствующих групп, подтверждал также тот факт, что по большинству позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным, число сторонников соответствующих взглядов в ядрах кластеров оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что выделенные ядра кластеров действительно выполняют в них роль «ядер», воспроизводящих особенности групп в целом, и что именно взгляды членов «ядра» являются для соответствующего кластера своего рода «несущим каркасом» мировоззрения.

Прилагательное «российские» в обоих случаях подчёркивает тот факт, что эти группы имеют весьма существенные отличия и от классического «западного» постмодерна, и от классического модерна. *Представители обеих этих групп, составляющих в сумме практически треть российского населения, способны, с учётом их норм и ценностей, выступать субъектами модернизации. В то же время особенности их взглядов свидетельствуют о том, что это будет отнюдь не «западная» модель модернизационных преобразований.*

На чём основывается этот вывод? О том, что мировоззрение представителей этих групп несомненно относится по своему типу к сознанию модерна, свидетельствуют, в частности, такие общие особенности их членов, как ярко выраженный социальный динамизм (убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен и т. д.), последовательная ориентация на собственные силы, нонконформизм и т. п. При этом, однако, каждая из двух этих групп имеет свои особенности, часть которых можно рассматривать как разные вариации мировоззрения “Modern Man”, а часть – не вписывается в его классический портрет, построенный на основе опыта модернизации в странах западной культуры.

К числу наиболее характерных особенностей «Российских постмодернистов», позволяющих наряду с перечисленными выше их отличительными чертами считать их носителями норм и ценностей не просто модерна, а даже постмодерна, относится прежде всего вторичность для них «материальной составляющей» их жизни. Так, свобода для них важнее материального благополучия, а «интересность» работы – размера заработной платы. Характерно для них также, в отличие от «Российских модернистов», и убеждение, что в защите своих интересов надо ориентироваться на коллективные, а не индивидуальные действия. В целом, можно сказать, что это *активистски и коллективистски настроенная группа с низкой значимостью для неё материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации.* В то же время, для её представителей характерны и многие нетипичные для мировоззрения классического модерна и постмодерна взгляды. Так, например, «Российские постмодернисты» в массе своей уверены, что не выживут без помощи государства. Кроме того, их характеризует слабая толерантность к тем, кто не такой как они, прежде всего – к «приезжим», пренебрежение к правам меньшинств и убеждение, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа, а не права отдельного человека. Наконец, при бесспорном признании ценности

демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далёкие от классических представлений о ней¹.

Говоря о специфике мировоззрения другой модернистски ориентированной группы – «Российских модернистов», – надо отметить, что, в отличие от «Российских постмодернистов», они заметно толерантнее к тем, кто не такие, как они, и вообще меньшинствам. Кроме того, они более последовательные индивидуалисты. Это обуславливает в итоге тот факт, что в массе своей они выступают за приоритет прав отдельного человека, а не интересов абстрактного «народа». Однако это не означает автоматического принятия и в данной группе всех норм «западного модерна». Так, хотя среди её членов доминирует (70%) убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства (в остальных мировоззренческих группах доля сторонников этой точки зрения колеблется в диапазоне 3–14%), однако только 18% из них считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто является их официальным собственником «по документам». Основная же масса «Российских модернистов» убеждена, что собственниками природных богатств страны должны быть территориальные сообщества или производственные коллективы. Кроме того, в этом кластере даже чаще, чем у «Российских постмодернистов», встречается убеждение, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят, и для России важны чувство общности, коллективизм и жёстко управляемое государство. Из остальных особенностей этой группы стоит упомянуть также, что её члены в большей степени, нежели «Российские постмодернисты», связывают жизненный успех с везением, а не упорным трудом, и относительно чаще ориентированы на приспособление к реальности, а не борьбу за свои интересы. Наконец, для них характерна гораздо большая, чем для «Российских постмодернистов», значимость материального благополучия, хотя их материальное положение объективно лучше и уверенность в возможности прожить без помощи государства распространена среди них гораздо шире. Всё это позволяет утверждать, что, *хотя в плане формирования характерных для сознания модерна норм, ценностей и установок (нон-конформизм, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику и т. д.) представители этой мировоззренческой группы продвинулись дальше других, однако это не привело их не только к признанию западной модели развития как эталонной, но даже к принятию ряда базовых норм и ценностей западных обществ.*

¹ Так, например, в рамках этих представлений предполагается, что оппозиция должна помогать правительству в его работе, а не критиковать его, и т. п. (подробнее см.: [2; 3]).

Тем не менее, всё вышесказанное позволяет утверждать, что *сегодня в российском обществе уже есть по крайней мере две разновидности сознания модерна*. Но характерные для их представителей нормы, ценности и установки существенно отличаются от ассоциируемых обычно с западной версией мировоззрения модерна. И в этом плане можно говорить о *формировании в России «альтернативного модерна», причём существующего по меньшей мере в двух разных формах*.

Что касается другого полюса – **традиционалистски ориентированных групп**, – то их сегодня в российском обществе, по меньшей мере, три, и каждая из них имеет своё достаточно чётко очерченное лицо. Первую из них мы условно назвали **«Последовательные традиционалисты»**. Наиболее характерными особенностями этого кластера на фоне остальных выступают убеждения, что *конкуренция вредна, что все переменны к худшему и нужно приспособливаться к реальности, а не бороться за свои права, им свойственны негативное отношение к демократии, модернизации и последовательная приверженность принципу уравнительности, и т. п.* Не удивительно, при таких взглядах, максимальная из всех кластеров распространённость среди его членов убеждения, что западный путь развития России не подходит.

Вторая из этих групп – **«Традиционалисты-этакраты»¹**. Этот кластер во многом близок к «Последовательным традиционалистам». Для него также характерно безоговорочное согласие с тем, что западный путь развития России не подходит. Согласно его члены в массе своей и с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. Для них типично негативное отношение к ЕС и индивидуализму. Как и «Последовательные традиционалисты», члены данного кластера – *убеждённые сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы. При этом к демократическим нормам жизни и кластер в целом, и, в ещё большей степени, представители его ядра, настроены даже скептически, чем «Последовательные традиционалисты»*. Так, они в большинстве своём не считают необходимой оппозицию, не согласны с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок, хотя это обязательные компоненты характерных для россиян в целом норм. Ядро отличается от кластера ещё большей готовностью признать за государством право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. При этом, од-

¹ Об особенностях «неоэтакратических» или «позднеэтакратических» обществ (см.: [4; 5]).

нако, в отличие от «Последовательных традиционалистов», кластер характеризует *позитивное отношение к конкуренции и переменам*.

Видимо, эти отличия связаны с тем, что персональный состав этого кластера существенно иной, чем у «Последовательных традиционалистов». Так, например, если каждый четвертый среди «Последовательных традиционалистов» старше 60 лет, и лишь каждый десятый – моложе 30, то среди «Традиционалистов-этакратов» молодёжи больше, чем пожилого населения. Гораздо больше у его членов и культурный капитал – если среди «Последовательных традиционалистов» почти у двух третей родители имели образование не выше среднего общего, то среди «Традиционалистов-этакратов» – менее половины группы, а 26% имели даже родителей с высшим образованием (при 12% у «Последовательных традиционалистов»). Эти расхождения отражают наличие двух типов традиционализма в российском обществе. Один из них – это «настоящий» традиционализм пожилого населения с низкими показателями культурного капитала, а другой – «традиционализм по убеждению», который можно встретить и у представителей вполне образованных и благополучных слоёв. В итоге разложение ряда норм традиционалистского сознания на микроуровне (большая мобильность, толерантность к конкуренции и т. п.) сочетается у них с очень ярко выраженной убеждёностью в необходимости всевластия государства, составляющей костяк традиционалистского сознания в России.

Третий кластер, который мы отнесли к традиционалистски ориентированным группам, – «**Разочаровавшиеся традиционалисты**». Этот кластер, как и предыдущий, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов разложения ранее характерной для России нормативно-ценностной системы. Однако в нём разложение этой системы начинается как бы «с другого конца» – не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и т. п. с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. *Разочарование в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение типичных для неё норм, происходит у членов этого кластера, однако, без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна. При этом в сознании членов этого кластера остаётся очень много черт традиционалистского типа* – от ориентации на воспроизводство привычных образцов до отрицания права личности защищать свои интересы в противовес позиции большинства. Характерно для него и тяготение к плановой модели хозяйствования. Отличия во взглядах его ядра от взглядов кластера в целом также ярко демонстрируют, что это скорее

традиционалистский по своей природе кластер, нежели группа, занимающая промежуточное положение в транзите её нормативно-ценностных систем от домодерна к модерну. Понять, почему разложение старой модели не сопровождается у её членов формированием характерных для мировоззрения модерна взглядов, помогает анализ её состава – более половины группы проживает в сёлах и посёлках городского типа и лишь около четверти – в средних и крупных городах. При этом почти на 60% её члены – те, кому уже «за 40». При таких объективных характеристиках они практически неспособны даже при разочаровании в традиционной для них системе норм и ценностей сформировать конструктивную альтернативу. Это ведёт к развитию среди них массовой аномии.

Традиционалистски ориентированные группы:

- «Последовательные традиционалисты» (характерными особенностями выступают убеждения, что конкуренция вредна, что все перемены к худшему и нужно приспособляться к реальности, а не бороться за свои права, им свойственны негативное отношение к демократии, модернизации и последовательная приверженность принципу уравнительности);
- «Традиционалисты-этакраты» (для них типично негативное отношение к ЕС и индивидуализму, они – убеждённые сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы);
- «Разочаровавшиеся традиционалисты» (разочарование в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение типичных для неё норм без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна).

Наконец, анализ специфики промежуточных кластеров позволяет точнее оценить и специфику протекания в России процессов социокультурной модернизации, и коридор возможностей для реализации модернизационного проекта, и перспективы последнего в целом.

Первый из этих кластеров был условно назван нами «Немодернисты». Этот кластер находится как бы «на перепутье» – нельзя сказать, что он настроен безусловно традиционалистски, но никакого отношения к сознанию модерна, по крайней мере в его классическом виде, его члены также не имеют. В целом для них характерны *пребывание в самом начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели*

Первый промежуточный кластер – «Немодернисты» (для них характерны пребывание в самом начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, а достаточно чёткая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии).

развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно чёткая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии. Так, члены этого кластера убеждены, что государство всегда должно отстаивать интересы народа перед интересами отдельной личности и что не так важно при этом, соответствует ли что-либо закону, или нет – главное, чтобы это было справедливо. Одновременно в кластере очень велика доля тех, кто считает, что каждый гражданин в любой ситуации вправе защищать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций и что каждый человек должен иметь право отстаивать своё мнение, даже если большинство придерживается иной точки зрения. К этому стоит добавить, что большинство в нём склонно ограничивать всевластие государства – почти 60% кластера и ещё большая доля его ядра не готовы признать безусловное право правительства влиять на правосудие, а также ограничивать свободу прессы, даже если этого требуют интересы государства. Всё это довольно мирно сосуществует в нём с отрицанием необходимости демократии, оппозиции, конкурентной среды и т. д. При этом члены данного кластера не уверены в собственных силах и ждут помощи в решении своих проблем от государства.

Второй промежуточный кластер, несколько дальше продвинувшийся по пути к формированию нормативно-ценностных систем обществ модерна – «Протомодернисты». К числу наиболее ярких его особенностей относятся прежде всего последовательная прагматическая ориентация (убеждение, что материальное благополучие важнее свободы, а зарплата – «интересности» работы), а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща. Характерны для его членов также негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового, а также что хорошие руководители для России важнее хороших законов. Яркой особенностью кластера выступает и отсутствие в нём толерантности к другим, тем, кто «не-Мы» – возможно в силу очень ярко выраженной в нём уверенности, что согласовать интересы разных групп общества невозможно. Однако, в отличие от «Немодернистов» и традиционалистски настроенных кластеров, его члены в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов; положительно относятся к модернизации и демократии; признают пользу конкуренции; убеждены в праве человека отстаивать своё мнение, даже если большинство придерживается другого мнения; не согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Ядро этого кластера ещё

Второй промежуточный кластер – «Протомодернисты» (к числу наиболее ярких его особенностей относятся последовательная прагматическая ориентация, а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща; негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового. Но его члены в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов; положительно относятся к модернизации и демократии; признают пользу конкуренции и др.).

толерантнее, чем кластер в целом, относится к неравенствам, при этом в нём ярче выражено убеждение, что успех в жизни – это результат упорного труда, а не простого везения. Всё это позволяет отнести данный кластер к промежуточным, характеризующимся *весьма противоречивыми нормативно-ценностными системами, общий вектор развития которых направлен всё же в сторону особенностей сознания, характерного для эпохи модерна.*

Сравнивая между собой два промежуточных кластера, нужно прежде всего отметить, что во многом (признание необходимости главенства традиций, установка на конформизм, неуверенность в своих силах, отсутствие толерантности к «не-Мы», согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать своё мнение независимо от позиции большинства и т. д.) они похожи. Однако при этом «Протомодернисты», в отличие от «Немодернистов», настроены скорее на доминирование в российской экономике рыночных начал, среди них заметно меньше распространены уравнилельные настроения и больше – убеждение в необходимости активности «снизу» как факторе перемен в обществе. Характерны для них и отведение гораздо меньшей роли государству в обществе в целом и в экономике в частности, а также признание необходимости оппозиции.

Говоря о локализации всех семи выделенных групп, надо подчеркнуть, что нет ни одной социально-профессиональной, образовательной, поселенческой, возрастной или доходной группы, в составе которой не присутствовали представители всех семи этих групп. С другой стороны, среди вышеперечисленных нет ни одной группы, в составе которой представители сознания модерна составляли бы большинство. В то же время, ряд факторов повышают сегодня в России вероятность попадания в состав модернистски ориентированных групп. Среди этих факторов, прежде всего, условия социализации и возраст (см. рис. 4), а также социально-профессиональный статус (наиболее высока доля модернистски ориентированных россиян среди гуманитарной интеллигенции – 45%; такова же их доля среди специалистов), место жительства (в городах доля модернистов составляет 35%, доходя в мегаполисах до 40%, в то время как в сёлах и посёлках городского типа она около 20%), образование (свыше 40% лиц с высшим образованием относится к модернистски ориентированным группам) и др.

Следует подчеркнуть, что нет ни одной социально-профессиональной, образовательной, поселенческой, возрастной или доходной группы, в составе которой не присутствовали представители всех семи этих групп. С другой стороны, нет ни одной группы, в составе которой представители сознания модерна составляли бы большинство.

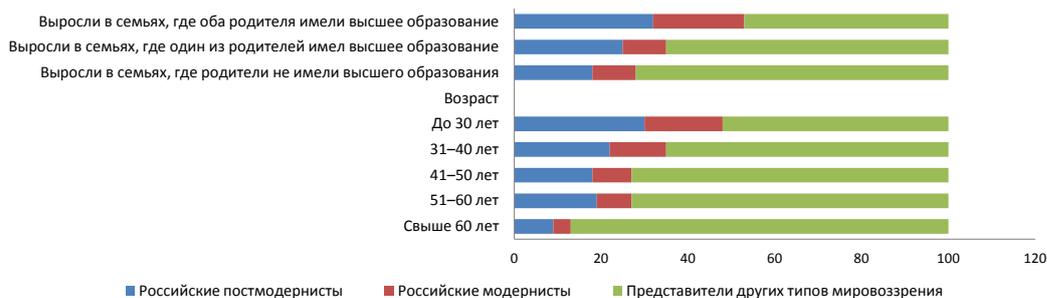

Рис. 4. Доля модернистски ориентированных кластеров в зависимости от уровня образования родителей и возраста респондентов, %

Таким образом, *типичный представитель модернистски ориентированных групп – это городской житель в возрасте до 40 лет, имеющий высшее образование и выросший в образованной семье*. Однако наличие даже всех этих характеристик не предопределяет однозначно мировоззрения человека – так, среди тех, кто обладает всеми этими признаками, модернисты составляют лишь 60%. При этом 10% всех модернистски ориентированных россиян не имеют ни одного из этих признаков. Что же касается среднего класса¹, то в нём доля групп, отнесённых нами к модернистам, – 43%. Однако если рассмотреть состав модернистски ориентированных кластеров, то половина из них – это представители среднего класса (в том числе среди «Российских модернистов» их 50%, а среди «Российских постмодернистов» – 48%).

Всё сказанное выше означает, что *модернистски ориентированные группы как бы «распылены» по населению страны в целом*. Для перспектив модернизационных преобразований в России такая «распылённость» – это и хорошо, и плохо. Хорошо – так как это означает, что *субъектные предпосылки для модернизационных преобразований существуют во всех «порах» российского общества*, и для успешности этих преобразований нужно лишь, чтобы российские носители сознания модерна поверили в эти преобразования и почувствовали реальную поддержку собственных усилий по утверждению в России той модели общества и «правил игры», которые являются для них «нормальными». Плохо – так как *в силу этой «распылённости» субъектов модернизации к ним сложно апеллировать как к единой социальной группе, и тем большее значение приобретают институциональные преобразования, в ходе которых должен быть учтён и опыт модернизации других стран*.

¹ Для выделения среднего класса использовались следующие критерии: нефизический характер труда; наличие как минимум среднего специального образования; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом; интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно.

Субъектные предпосылки для модернизационных преобразований существуют во всех «порах» российского общества. Однако к ним сложно апеллировать как к единой социальной группе. Тем большее значение приобретают институциональные преобразования.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о том, опыт модернизации каких стран, с учётом особенностей менталитета россиян, может оказаться наиболее полезен для России?

Фактически речь идёт о постепенном смещении в сторону стран западной культуры с одновременным смягчением уникальности ментальности россиян. Однако процесс этот займёт, видимо, не одно десятилетие. Более того – даже находящиеся ближе всего к странам западной культуры «Российские модернисты» сохраняют яркую национальную самобытность, оставаясь вне группы этих стран, сосредоточенных в правой нижней четверти рисунка.

Подведём итоги

1. В России сегодня уже есть реальные массовые субъекты модернизационных преобразований. Однако социальные группы, выступающие таковыми в глазах населения, и те, кто реально способен выполнять эту роль, – это разные группы. Более того – те, кто способны выступить акторами модернизации, не сосредоточены в каких-то конкретных профессиональных, демографических или поселенческих группах, а «распылены» по обществу в целом. В наибольшей степени они представлены, однако, в формирующемся среднем классе России, и, особенно, в его ядре – профессионалах, происходящих из образованных городских семей.

2. Идущее быстрыми темпами разложение традиционно существовавших в России нормативно-ценностных систем не приводит и не приведёт в обозримом будущем к массовому принятию традиционных для западной культуры норм и ценностей. Напротив – в ходе этого процесса формируются альтернативные модели “Modern Man”, которые нельзя рассматривать просто как переходные. Это говорит о том, что процессы социокультурной модернизации протекают в России совсем не так, как они происходили в странах западной культуры.

3. Без существенного улучшения ситуации в стране и сближения модернистского проекта с базовыми нормами и ценностями россиян (в частности, без реализации на практике, а не только на словах, всех норм, связанных с «повседневными» свободами и правами, включая право озвучивать и отстаивать свои интересы; без эффективной борьбы с коррупцией в государственном аппарате и правоохранительных органах и т. д.) невозможно рассчитывать на длительную поддержку этого проекта не только на словах, но и на деле, даже со стороны модернистски ориентированных групп населения.

Библиографический список

1. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009.
2. Тихонова Н. Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6.
3. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. №№ 2; 3.
4. Шкаратан О. Становление постсоветского неозакратизма // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1.
5. Тихонова Н. Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А. И. Миллера. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008.

К методологии научных исследований

Социокультурное: от нерасчленённого понятия к дуальным оппозициям

Темницкий Александр Лазаревич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ, старший научный сотрудник ИС РАН

E-mail: taleksandr@list.ru